Псковская миссия

Указания на Интервью ленинградским фотографам — о книге [illegible]

1.

РИГА — ПСКОВ

Это были дни Августа 1941 года, когда группа православных священников из Риги только что прибыла в Псков для организации церковной жизни в северо-западных областях России, оккупированных германскими дивизиями.

Необходимость в Псковской Миссии была осознана Митрополитом Сергием, Экзархом Латвии и Эстонии, сразу же, как только стали поступать первые просьбы из Пскова и других городов о присылке священнослужителей в эти места. Как известно, Митрополит Сергий в 1944 году был убит в Литве, не то органами НКВД, не то Гестапо...

Громадный край от ст. Сиверской, что под Петроградом, до Опочки был давно превращен советской властью в церковную пустыню. Некогда прекрасные храмы были разрушены, поруганы, превращены в склады, мастерские, танцевальные клубы, кино и архивы. Депрессированное духовенство в своей основной массе погибло в концлагерях Сибири. Два, три уцелевших подсоветских священника, запуганных, душевно-усталых и неподготовленных, никак не могли взять на себя труд организации церковной жизни населения в несколько сот тысяч человек. А духовный голод, жажда церковной молитвы, таинств и проповеди остро ощущались в этих местах.

Немецкие власти долго не соглашались на организацию Псковской Миссии; в конце концов, они дали свое согласие на поездку 15-ти православных священников из Прибалтики в страну «за чертополохом».

Я был одним из этих посланных церковной властью в эту миссию священников. Все, что я пишу сейчас, может быть, будет небезинтересно в наше время, когда о русском народе пишут, кто угодно, и что угодно,

Получив согласие соответствующих властей на посылку миссионеров в Псковский и Новгородский край, Митрополит Сергий предписал целому ряду священников, тем, кто помоложе, отправиться в Псков, без каких бы то ни было предварительных разговоров с ними. О нашем личном согласии никто не справлялся. Все делалось в рамках церковной дисциплины, церковного послушания. Это первое, что необходимо отметить. К чести нашего духовенства, никто не отказался от участия в Миссии, от церковной работы в тех местах, где годами не звучало Слово Божие, не совершались богослужения, где народ молился лишь «про себя», сокровенно. Всем было ясно, что здесь нечто экстраординарное. И, хотя поездка в Псков неизбежно была связана со всеми трудностями и опасностями военного положения, она, тем не менее, состоялась. Следует указать и на тот факт, что со стороны немецких властей никаких инструкций специального или специфического характера Миссия не получила. Если бы эти инструкции были даны или навязаны, — вряд ли наша Миссия состоялась. Я хорошо знал настроение членов Миссии. С немцами мы все считались по принципу — «из двух зол выбирай меньшее». Что немцы — зло, никто из нас не сомневался. Ни у кого из нас не было, конечно, никаких симпатий к завоевателям «жизненного пространства» нашей родины. Глубокое сострадание и сочувствие к бедствующему народу, нашим братьям по вере и по крови, — вот что наполняло наши сердца.

Итак, мы тронулись в путь. Направление — Псков — Новгород. Единственная цель — помочь народу, впавшему «в разбойники» (Лук. 10). Некоторые из нас предполагали встретить в России пустое поле, в религиозном отношении. Они очень ошиблись. Там мы нашли такую напряженную духовную жизнь, о которой за рубежом и не догадываются. Но все это — при полном отсутствии, конечно, нормальной церковной жизни. Устроить, организовать приходскую жизнь и стало нашей задачей.

В ДРЕВНЕМ ПСКОВЕ

Древний Псков — русский Нюрнберг — стоит на реке Великой. Город незабываемого очарования. Сердце города — Кремль с Троицким Собором. Прекрасный Кафедральный Собор доминирует над всем Псковом.

«За Святую Троицу» — старинный клич псковичей!

Сколько полегло их с этим восклицанием на устах на городских стенах, отражая приступы немецких рыцарей, ляхов и литовцев.

Троицкий Собор — самая великая святыня всего Псковского края. Там хранились мощи свв. благоверных князей псковских Всеволода-Гавриила († 1138), Довмонта-Тимофея († 1299), тут же висел Довмонтов меч. Стояли гробницы местно-чтимых псковских архипастырей, еще не прославленных Церковью.

Большевики осквернили Собор при первой возможности. Чудный храм стал антирелигиозным музеем. В Мирожском монастыре, что стоит на берегу Великой — на Завеличьи — изумительные фрески 12-го века. Даже большевики называли этот монастырь — музейный объект № 1. Он давно пустует, конечно, как и другой, Иоанновский женский монастырь. Прелестные церкви особой, неповторимой псковской архитектуры, наполняющие улицы города, разрушены, осквернены. Город Русской Славы, город великого благочестия, стоит молчаливым укором новому времени, новым его поработителям...

Мы прибыли в Псков к вечеру 18-го августа 1941 года, в канун праздника Преображения. В Троицком Соборе только что окончилась служба; ее совершал на неделю раньше нас приехавший из Латвии же протоиерей

Свято-Троицкий собор (1699 г.)

С. Е. Народ, переполняющий громадный храм, молча, уже в полной темноте (все светильники гаснут от порывов ветра в разбитые окна Собора) подходит к амвону. Там заканчивается помазание освященным елеем. Нормально это делается, как известно, в середине Всенощного Бдения, но сейчас такая масса людей, что этот обряд продолжается и по окончании службы.

Подошли к амвону и мы... Светлый праздник Преображения встречали мы уже на Русской Земле, на родине своих отцов и прадедов, но в темноте... В этом было что-то символическое. Катакомбы все еще оставались катакомбами. Троицкий Собор — вчера еще Антирелигиозный Музей, как бы не мог сразу преобразиться, «прийти в себя», просветиться. Такие контрасты! Вчера — насмешки, хула и поругание. Сегодня — чудные церковные песнопения, веками звучавшие в этих стенах. Лики святых — предмет вчерашних иронических замечаний руководителей антирелигиозных экскурсий, а сегодня перед ними же благоговейно коленопреклоненная толпа. Кто видел оскверненные храмы, тот знает, как трудно сразу «войти в себя», забыть то, что было, сосредоточиться. С сложными чувствами легли мы спать в ту ночь в доме городского головы — русского псковича, — кто на кроватях, кто на полу, почти вповалку...

На следующий день все наши миссионеры приняли участие в праздничной божественной литургии. Опять многотысячная толпа наполняла Свято-Троицкий Собор, но сейчас он весь залит солнечным светом. Праздник Преображения — радостный праздник, и все лица молящихся просветленные. Первая встреча с русским народом. И эта встреча — в храме. Перед Богом, Который все видит, все знает и может многое простить!

Как благодарно переживают псковичи наш приезд. Как они внимательно вслушиваются в слова нашей первой проповеди. Без конца идут они под благословение, подводят к нам своих детей, целуют благословляющую руку. «Благослови, батюшка! Благослови, отец!» — звучит отовсюду. Кто-то после проповеди, подходя к кресту, шепчет на ухо, подсказывает: «Побольше говори о Горнем Иерусалиме»... Древняя Русь. Как будто ничего не произошло. Как будто отвоевала Литва и снова ушла к себе, а город, быстро залечивая свои раны, начинает свою обычную нормальную жизнь, в которой Церковь занимает первое почетное место...

Проходим по улицам. Десятки лет некрашеные дома. Большей частью деревянные. Все расползается, все одряхлело. Советское строительство здесь представлено двумя-тремя уродливыми водонапорными башнями. Но все наше внимание обращено на население. Измученные лица, обтрепанное платье, скверная обувь — после нарядной, богатой, «капиталистической» Риги — так все выглядит невыгодно, убого. Но дело не во внешности, а в том, что и на улицах нас останавливают, подходят к нам, просят благословить. На улицах кучки народа. Нас с интересом рассматривают. Удивляются, наверное, нашей молодости, нашей хорошо сшитой, добротной священнической одежде.

Мы идем группой. Своеобразный крестный ход! Псковичи крестятся, вытирают слезы на глазах. Сон — не сон. Боятся поверить, что это наяву. Годами, ведь, не видели так спокойно, с достоинством проходящих «Служителей Культа», «врагов народа». Но население бедствует. Только что бежали красные. По пути отступления ими сожжены все продовольственные базы. Немцы добирают последнее. Но не привыкать русскому человеку к разорению. Судьба никогда не баловала его. Кое-как перебивается он и сейчас.

Третий день нашего пребывания в Пскове начинается для нас неприятным сюрпризом. Часов в пять утра нас поднимают на ноги немецкие солдаты с винтовками в руках. Проверяют документы и выводят на улицу наспех одетых. На улице накапливается уже большая толпа таким же образом взятых жителей города. Сразу же замечаю,

что это только мужчины. Тут же передают, сообщают, что комендант города, генерал Баланга-ро-Гравена, в порядке репрессии за расстрелы немецких постов по ночам — решил интернировать все мужское население Пскова в один из лагерей под Печерским монастырем, в 60 км от города. На лицах наших миссионеров — растерянность: неужели вот этим и закончится наша Миссия? Скоро, однако, выясняется, что для нас это — недоразумение, но что для остальных — это горькая действительность.

Плач и слезы оставшихся жен, матерей, детей наполняют древний город. Сколько раз оглашался вот такими воплями несчастных русских женщин этот город — в истории? Так наша Миссия практически начинала знакомиться с обстановкой на месте. Большинство депортированных, впрочем, скоро вернулись к своим семьям.

**
*

В Пскове мы прожили не больше недели. Быстро возник у нас контакт с местным населением. Нас сразу же стали просить послужить в разных пригородных церквах, наспех отремонтирован

Псковская «барахолка»

ных самими же верующими. Узнав о пребывании Миссии в Пскове, стали появляться ходоки и из более отдаленных мест: просить священников на приходы. Наступило время разъезда. Миссия должна была зарекомендовать себя на местах. Перед нашим разъездом к нам как-то случайно забрел немецкий пастор в военной форме. Пастора с Эльбы давно уже интересовало Православие. Мы с ним долго беседовали на религиозные темы. Он упросил нас спеть ему несколько православных песнопений. Для нас он спел ряд старинных хоралов. Так состоялась в древнем Пскове «экуменическая» встреча. Другого пастора я видел в Свято-Троицком Соборе, с изумлением наблюдавшего общую исповедь двухсот-трехсот человек. Это были единственные встречи с немцами в Пскове, если не считать тех солдат, чуть ли не штыками поднявших нас в то нерадостное утро, о котором я уже упоминал.

Прот. А. Ионов

(Продолжение в следующее воскресенье)

29 ИЮНЯ 1975 ГОДА

2.

Мне выпал жребий ехать в К., небольшой городок в 50-ти километрах от Пскова. Наняв какого-то «извозчика» с полумузейным экипажем, я тронулся в путь с о. С. Е., престарелым священником, возвращавшимся домой. Это было почтенный протоиерей, чудом спасшийся с группой других наших священников от расстрела при отступлении большевиков из Латвии в 1941 году. Он мне рассказывал, как били арестованных священников на допросах. Лицом об стол. Особенно они так мучили моего друга юности о. Я. Л. Но почему же я, переживший год советской оккупации Прибалтики, не был арестован? Не дошла очередь. Фамилия моя, впрочем, уже называлась при допросах... На страницах сов. газет меня уже именовали «мракобесом» за мои апологетические лекции, читанные в свое время. Круг суживался. По телефону все чаще спрашивали: «О. А. дома? Да, дома. Ну, слава Богу. — Кто говорит? — А это не важно»... Сколько мы ловили на себе взглядов сожаления, сочувствия. Мы были обречены. Вспоминается, как однажды подходил я к нашему Рижскому Кафедральному Собору. Вижу знакомого священника. Он уже в штатском. По приятельски шутит, глядя на мою рясу: «А ты все еще проповедуешь?». В тон отвечаю ему: «На сие бо изыдох». Через несколько дней милый о. А. Н. пропал. Его арестовало НКВД. Но я отвлекся... С о. С. Е. мы едем в К. Серенький будничный день в конце августа. Едем медленно. Лошадка у нас не ахти какая. Под стать нашему экипажу. Я лично еду в полную неизвестность. На руках пропуск на гильзовой бумаге. Несложный багаж в одном чемодане. Отдельно пакет с медикаментами. Среди них преобладают дезинфицирующие средства. Нам придется жить, спать в разных углах. Кто попал на север, тот отпевал умерших от голода тут же в избе, где на холодной печи плачут дети. Чем дальше на север, тем условия жизни труднее. Миссионеры голодают неделями. Никаких специальных пайков мы ни от кого не получали. На руках у нас были «хлебные карточки», выдаваемые местному населению.

...Скоро нас останавливает военный патруль. Оказывается где-то рядом аэродром. Нас направляют в какой-то штаб. Я почему-то больше всего беспокоюсь за нашу лошадку: отберут или оставят? Не так просто продолжать путь per pedes apostolorum в незнакомых местах. Все обошлось, к счастью, благополучно. Нас отпускают, и мы продолжаем свой путь. К полудню останавливаемся у какого-то колхоза. Надо подкрепиться. Едем к первой избе. Перед нею колхозник средних лет молотит сноп ржи вручную — какими-то палками. Способ ультра-примитивный, но опытные люди говорят: ни одно зернышко не пропадает... Обычный вопрос: «Ну как? — Одолевают немцы?..» — «Немцы — ерунда», — твердо отвечает колхозник: «Они ж берут только пол урожая, а половину тебе оставляют»... «Значит, жить можно?»... «Да еще как!» — поддерживает он головой: «наши-то ведь, все отбирали! Понимаешь?».

Мы чувствуем, что здесь суть дела сводится к вопросу: грабеж совершенный, или полуграбеж, и что колхозник решает означенную проблему, как видно, на основе только арифметических соображений. Никаких патриотических эмоций, увы, за этим решением не угадывалось... На груди у колхозника я вижу самодельный крест из советской серебрянной монеты. «Чтобы немцы за коммуниста не считали», объясняет колхозник. На нас он смотрит без большого интереса. Вероятно, думает, попы, как попы. Ничего неприязненного мы в нем, однако, не замечаем. Выражение лица: нас ничем не удивишь... Усталость, нужда, забо-

Гремячая башня (1525 г) и церковь свв. Космы и Дамиана (1383 г.) на Запсковье.

та о куске хлеба. Самодельные крестики мы потом освящали уже сами — сотнями! Народ их раскупал нарасхват. Едем дальше. По дороге почти никого не встречаем. В колхозах по сторонам дороги большого оживления также не наблюдается. На многих крышах нет соломы. Скормили скоту еще до войны! Нищета сквозит отовсюду. Дороги, коекак насыпанные, местами совсем разбиты. Немцы начнут позже за дорогами строго следить. Русские военнопленные в лютую зиму с 1941 — 1942 и в след. году будут все время приводить их в порядок. Черные пятна на снегу — замороженные трупы — жуткие ветлы в снежную метель — и сейчас стоят у меня перед глазами... Не доезжая 10 километров от К., встречаем двух женщин, одетых по-деревенски. В черных платочках. Это делает их похожими на монашек. Низко кланяются нам — опять таки почти по монашески — спрашивают:

— Куды это, батюшки, вы направляетесь?

— Едем в К.

— Неужто?

Отвечаем: «Да, да»...

— Господи, какая благодать! А мы то, ведь, в Псков шли — раздобывать священника к Успенову дню...

Я уверенно говорю им: «Вертайте! Мы же к вам едем»...

— Господи! Радость какая! — шепчут обрадованные женщины: — Сам Господь послал нам батюшек...

Я никогда не забуду этих простых, верующих русских женщин!

Св. Василий Великий на Горке (Колокольня с осадным колоколом. Осада Батория).

Сколько в них было желания, а главное — воли устроить праздник, помолиться как следует. — И вот — котомку с куском хлеба за плечи и пешком, без документов, без денег — в Псков: «Слыхать там батюшков много навезли!..».

Потом я узнал их ближе. С. — женщина средних лет, одинокая стахановка, золотые руки. Полумонашка. Ради Церкви все сделает. Ночь не поспит, а облачение к празднику будет готово. Для нее как будто и не было большевиков на Руси. Сразу же она вся растворилась в церковных делах, в церковных послушаниях.

В ОСТРОВЕ

Полусожженный город. Он также стоит на реке Великой. Один из старинных городов-крепостей на западных рубежах Московской Руси. На базарной площади Собор екатерининских времен. Он давно закрыт большевиками. Они в нем устроили склад для зерна. Хорошо, что не осквернили еще до конца. Но внутри, конечно, все уничтожено. Ни одного престола (их было три), ни одной иконы. Только где-то под куполом остались нетронутыми Ангелы... Настоятель этого некогда прекрасного храма протоиерей Вл. Ладинский был убит большевиками сразу же после октября 1917 г. Его тело чекисты волокли по всем улицам маленького города. Его кровью капитались все камни на дороге. С любовью и благоговением вспоминали жители Острова этого пастыря, дерзнувшего с амвона предать анафеме власть интернациональных преступников. Десять лет тому назад, по крайней мере. — они еще так его вспоминали...

Сохранилась в относительном порядке церковь на кладбище Свв. Жен Мироносиц, при большевиках — архив райкома. Церковь крохотная. Не больше ста человек могло войти в нее, а все остальные сотни стояли во время богослужения у порога на паперти и вокруг, жадно прислушиваясь к каждому возгласу из алтаря. В этой кладбищенской церкви я служил первые дни своего пребывания в Острове. Третья церковь в городе была превращена в кузницу, четвертая — самая древняя — на островке, между мостами — была полуразрушена.

Запомнилась служба под Покров Божией Матери (14 октября нов. ст.). Весь народ — «советский» — поет местным прекрасным распевом — «Величит душа моя Господа» — «Честнейшую». Прикладываются люди, целуют икону праздника, подходят к елеопомазанию и — вот слышу, пение прерывается плачем, рыданием. О чем плачут в этот светлый праздник? Или им припомнились пастыри, служившие в этом храме задолго до меня и поумиравшие давно уже в тюрьмах? Или припомнились им близкие, которых «фараоны» давно уже сгноили на крайнем

севере в концлагерях? Много было причин этим слезам во время «Честнейшей»... Я помню только одно — разделяя скорбь своих новых чад духовных, я плакал вместе с ними...

Прот. А. Ионов

(Продолжение в следующее воскресенье)

НИКИТА — ПОЛИТРУК

Жить я устроился в полуподвальном помещении у одного простого верующего человека, инвалида финской войны. С ним и его семьей я быстро сдружился. Несмотря на отвратительные условия, я жил у них несколько месяцев. Моего хозяина злые языки называли «политруком». Позже я узнал, что вся его политическая деятельность сводилась к чтению в роте политических статей по приказанию начальства в отсутствие комиссара: Никита оказался, к несчастью, самым грамотным солдатом. «Политрук» этот в первые же дни нашего знакомства познакомил меня с престарелой схимонахиней, которую он очень уважал и без совета, благословения которой он ничего не предпринимал. Вот так и «политрук»!

В семье, в которой проживала эта старенькая монахиня, в свое время послушница одного из женских монастырей под Петроградом, я познакомился с Верой, молодой учительницей, женой советского лейтенанта. Она была одной из представительниц советской интеллигенции, чьей души не коснулся яд безбожия и неверия. Помню ее рассказ, как она прятала в Педагогическом Институте свой крестик, с которым никогда не расставалась. При немцах она работала в офицерском собрании. На вопрос, не обижают ли ее немцы, Вера — стройная, миловидная женщина лет 27 — твердо ответила:

— Как себя, батюшка, поставишь, так к тебе и будут относиться!

Было ясно, что эту русскую женщину не так легко было соблазнить дешевыми подачками и что она держала г.г. завоевателей на самом приличном расстоянии.

Припоминаю, как выходя из уже отремонтированного Св. Троицкого Собора, после только что совершенного ряда бракосочетаний — венчание двух, трех, четырех пар одновременно было самым обычным явлением в те времена — я слегка пожурил группу толпившихся у входа девушек: «Приходите в Собор только глазеть, грязи нанесете, а убирать-то все тому же сторожу!»... На это мне одна из них, побойчей, ответила так: «Батюшка, не совсем-то мы уже без дела в церковь ходим. Ведь, надо же посмотреть, что, да как. Венчаться то, небось, и нам придется. А мы и повернуться не знаем как в церкви!»... Я должен был признать, что у этих девушек был свой резон. И больше им от меня не попадало.

Был я свидетелем и такой сцены. В одном из колхозов мой доверенный человек восстанавливал церковь, превращенную большевиками в танцевальный зал. Прибивая доску к стене, он, видя проходивших мимо девчат, бросил с горечью в их сторону: «И все это поругание через вас произошло!». Одна из проходивших тихо ответила ему так: «Брось лаяться, дядя Миша... Мы завтра придем с утра и вымоем полы в церкви...». Вероятно, среди них были комсомолки.

Молодой советский инженер Н. Н. Я очень сомневался в его дипломе. Он мне оказывал бесконечные услуги по делу восстановления храмов, а восстановил я их около пятнадцати. Но, сомневаться в его вере, в его искренности было нельзя. В прошлом беспризорник — «На всех базарах, батюшка, крал сметану», простосердечно признавался он (вероятно в те времена, когда сметана еще появлялась на советских рынках), — он творил чудеса, когда речь шла о том, как устроить тот или другой ремонт в церкви, как раздобыть торф для отопления и прочее. Его жена и дети были олицетворением самой благочестивой семьи. Контрасты? Да.

Вспоминаются советские молодые педагоги, с которыми я вел самые задушевные разговоры. Один из них, воспитанник Ленинградского Педагогического Института имени Герцена, все время уверял меня:

— Хотя я не верю в Бога, но я от Него не отрекаюсь. Докажите мне, как следует, и я уверую!..

Очень он пенял на меня, почему я не зашел к нему на Рождество:

— Мы вас так ждали, и икону повесили!

Жена у него, впрочем, была верующим человеком...

Другой учитель — тонкий ценитель поэзии и литературы, рас

Св. Дмитриевский ~~отряд~~ кружок перед своей церковью
(День св. Георгия в Пскове в 1943 г.)

сказывал о чтении в нелегальных литературных кружках запрещенных поэтов. Уже в Америке я встретил такого же эстета, отсидевшего за свое увлечение недозволенными поэтами очень солидный срок на поселениях в Сибири... С этими «кандидатами в партию» у меня возникли самые лучшие отношения, и оба они мне очень помогали по оказанию помощи нуждающимся жителям города, когда я организовал, ни больше ни меньше, как «Русский Красный Крест». Немцы терпели эту организацию до моего отъезда в Псков. Мы расклеивали на всех углах свои воззвания о сборе

Памятник защитникам Пскова от Батория

продуктов для военнопленных и взяли на себя попечение об одном лагере для военнопленных. Нам, конечно, не по силам было кормить около 200 человек, но мы старались их хотя бы подкормить, давая дважды в неделю человеческие обеды... Смертность прекратилась по прошествии двух, трех недель. В этом деле очень помогали мне жены советских офицеров. Надо было видеть их самоотверженность, настойчивость и подлинное христианское милосердие.

Моими самыми большими друзьями были дети. Их там было великое множество. В лохмотьях, голодные, они, тем не менее, оставались прекрасными русскими детьми. Я скоро стал вести с ними регулярные занятия по Закону Божьему. Как радовали они меня своими успехами: молитвы они учили «вперебой». Больше по всему пер-

корному было изумительным. В храме они занимали всегда первые места, терпеливо выстаивая длинные наши, такие недетские, богослужения. Вспоминаю и молодежь — постарше: 17-19 лет. Вот как-то на улице останавливают меня две девушки:

— У нас к вам, батюшка, дело...

Указывая на подругу, одна из них говорит:

— Она долго не верила в Бога. Я ей доказала, что Бог есть. Она теперь уже больше не сомневается. Теперь ее надо только окрестить! Я, как могла, подготовила, так что вам особенно не надо будет беспокоиться...

С интересом смотрел я на этих юных христианок. Впервые я слышал из уст шестнадцатилетней девушки слова:

— Я ей доказала, что Бог есть.

Я крестил Светлану. При крещении я предложил ей оставить свое старое имя. На это она мне твердо ответила:

— Нет, я хочу, чтобы у меня теперь было все новое.

Все новое... Эти две девушки положили начало евангельскому кружку, в котором я проводил беседы — «евангелизацию» — дважды в неделю. Число членов этого кружка быстро достигло 40 человек. В него входили люди разного возраста. Среди них были врачи, учительницы, портнихи и просто домашние хозяйки: если бы я сделал хотя бы одно объявление о наших занятиях в кружке, то число членов умножилось намного больше. Но я этого не мог сделать. Слишком много было у меня другой работы, а я был один. Край порученный мне тянулся на километров 50-70 в радиусе. Вызвали меня как-то по делу этого кружка в военную комендатуру:

— По нашим сведениям, вы собираете у себя крестьянскую молодежь. Для какой цели?

Я отвечаю:

— У меня собирается прежде всего не крестьянская молодежь, а христианская. Собираю же я ее для «конфирмации».

Ответ был признан удовлетворительным, и меня отпустили «с миром» — продолжать «конфирмацию» русской молодежи.

В соборе, который мы отремонтировали своими личными средствами — народ последнее давал на восстановление храмов — я приобщал в первые

месяцы нашего пребывания в России от 500 до 800 человек сразу же за одной литургией. Их же я, конечно, и исповедывал. На общей исповеди, разумеется. Крестили до 80 младенцев одновременно. Совершали по 10 погребений. Венчали по три-пять пар, как правило, в одно и то же время. Службы в воскресный день начинались у нас в 7 ч. утра и для меня кончались с такими крестинами, погребениями, венчаниями в 4 ч. дня! Невероятно, но это так.

Входишь в храм, переполненный задолго до службы народом. Многие сидят прямо на полу, отдыхая от дальнего пути. По русскому обычаю все тянутся за благословением. В алтарь поэтому сразу не войдешь! И то же самое после службы. Как легко проповедывалось на родине! Как жадно слушали там пастырей. Как благодарили, не утомлялись! Лучшее время моего пастырства — время, проведенное в Псковской Миссии, хотя внешне она протекала в самой суровой обстановке. Кругом партизаны. Встреча с ними — конец. Им не втолкуешь, что мы проповедуем Христа Распятого. Мы на этой стороне, — значит враги... Бог хранил меня, хотя и были самые «злыя обстоянія». Не хочется их и вспоминать. Преждевременная седина — следы этих переживаний. Людей, исколотых штыками партизан, мы хоронили неоднократно. Уезжая за сорок — пятьдесят километров куда-нибудь на освящение храма, прежде всего мы долго молились дома, долго крестились, целовали фотографии своих близких — прощались «в суріоз». Кто его знает — вернемся ли? И так уезжали, безоружные, беззащитные, оградясь только силою животворящего Креста...

Вспоминаю и ряды повешенных уже немцами девушек-комсомолок и пареньков за связь с этими партизанами. Первый раз в жизни я увидел это жуткое зрелище. На базарной площади среди бела дня. В состоянии оцепенения вернулся домой. Жена церковного старосты испуганно спрашивает: что с вами? Мое лицо обезображено страшной судорогой... Не так просто смотреть на повешенных!

Прот. А. Ионов

(Продолжение в следующее воскресенье)

4.

Дома меня ждут немецкие офицеры из отдела пропаганды. Видите ли вы, они хотели бы узнать мое мнение, мнение священника: следует ли продолжать вешать людей на базарной площади или нет? И какое это производит впечатление на местное население? — Я чуть не кричу, чтобы они меня оставили в покое, сейчас же оставили мой дом, что я именно, как священник, никому не могу давать советов, как удобнее приводить в исполнение приговоры военно-полевого суда; как они этого не понимают?! Смущенные офицеры покидают меня, заверяя меня, что они не хотели меня расстроить, они хотели только узнать одно, как лучше?..

В то же время в моей приемной, т. е. на кухне — я уже успел перебраться в один из бывших церковных домов — сидят две молодые женщины, беженки из-под Ленинграда. Их дети голодают в соседнем колхозе. Они все давно уже не ели, как следует... Если им никто сейчас не поможет, они убьют себя и своих детей. Печать отчаяния уже легла на их глаза. Одна из женщин с интеллигентным лицом — она впоследствии оказалась квалифицированной сестрой милосердия — беспомощно наклонила голову, как бы в ожидании приговора. Ноги закручены в тряпки. Они давно промокли от снега. Я смотрю на правильные черты ее заплаканного лица, и передо мной встает образ всей многострадальной России, образ русского Горя... Мне удалось им помочь.

ДЕТИ РАССТРЕЛЯННОГО ПРОФЕССОРА

Летом 1942 г. в мой дом вошли двое детей. Они шли с потоком беженцев из под Ленинграда. Оборванные, исхудалые девочки. Одной лет 9, другой 13. Пока их кормят, я расспрашиваю детей. Тело их покрыто нарывами от недоедания. Волосы на голове сбились в сплошной комок. На одной из девочек — когда-то хорошенькая матросская блуза. Заношена до черна. Меня трогает почему-то

Изборск. Крепостная церковь.

именно эта детская блуза. Ведь, она так подчеркивает, что ребенок — ребенок. Смотрю на измученные лица и острая жалость охватывает меня. На глаза навертываются слезы. Чтобы скрыть свое волнение, говорю, что они никуда дальше не пойдут, — а идут они туда, где больше хлеба — что они останутся у меня на первое время, а там видно будет. Жена церковного сторожа отмывает их несколько дней. Церковным сторожем у меня сделался «политрук», о котором я уже рассказывал и который стал одним из моих лучших друзей. Из Риги для детей прислали необходимые вещи. И отец — профессор Военно-Химической Академии в Москве расстрелян за троцкизм. Мать их — в ссылке, в одном из лагерей на Волге. Дети жили у дедушки и бабушки под Ленинградом, умерших недавно от голода. «Вот мы и пошли искать хлеба»... Я их крестил. Они жили у меня какое-то время, как мои родные дочери.

Иногда дети вспоминали о своем детстве, о жизни в Москве.

— Иду я с папой, рассказывает старшая, по главной улице Москвы. Навстречу нам — старенький священник. Я уже была пионеркой и сразу же крикнула: «Поп! Поп!». Мой отец — в свое время он был верующим — резко обрывает меня и требует, чтобы я подошла к священнику и попросила... прощения! Красная от стыда и волнения, я подхожу к нему, а сама ломаю голову, как же к нему обратится: «Товарищ поп?». Можно ли так?... А когда мы шли уже во время войны по деревням, нам во многих домах не давали хлеба; мы с сестрой решили помолиться, как это часто делала бабушка. И, вот, подходя к одной избе, мы с отчаянием первый раз в жизни помолились — сказали: «Господи, помоги...».

ВСТРЕЧИ С ВОЕННОПЛЕННЫМИ

Когда отношение немцев к русским военнопленным стало меняться, увы, это произошло только к концу войны — я постарался вступить с военнопленными в контакт и, хоть чем нибудь, помочь им. Я взял под свой протекторат небольшой лагерь под К. Там было не больше 200 человек. Все, что мы могли с помощью населения сделать — это сварить для этих несчастных дважды в неделю мало-мальски приличный обед, состоявший, конечно, из одного блюда... Но и это было уже много: смертность в лагере заметно уменьшилась. Как жаль, что погибли письма этих несчастных людей!

Добился я и разрешения совершить для военнопленных пасхальное богослужение. Правда, оно, по требованию начальника лагеря, было совершено в храме, откуда предварительно все остальные должны были выйти; двери храма охранялись вооруженными солдатами, не менее 200 военнопленных, по личному желанию, наполнили наш храм, и для них было совершено специальное пасхальное богослужение. С каким волнением я его совершал. Я произнес слово, в котором убеждал их не

падать духом, помнить, что их матери молятся о них... При упоминании о матерях у многих на глазах показались слезы. Со слезами на глазах слушали военнопленные и радостные пасхальные песнопения. Оделяя каждого не одним традиционным, а четырьмя, пятью яичками — их принесли накануне верующие люди, как только я объявил им о богослужении для военнопленных — я приветствовал всех обычным «Христос Воскресе»! И все, как один отвечали: «Воистину Воскресе»! Это были бойцы Красной Армии, попавшие в плен в 1941 — 1942 году.

ОСВЕДОМИТЕЛЬ

Как то иду по улицам К. Какой то вертлявый тип подходит и вкрадчиво, вполголоса, предлагает мне свои услуги в качестве осведомителя. «К вечеру каждого дня вы будете знать, что делается в городе»... Брезгливо отказываюсь от этих услуг.

ОСВЯЩЕНИЕ ХРАМОВ

Всего, как я уже отметил, за время своего миссионерства восстановил и освятил до пятнадцати храмов. Поруганные храмы восстанавливало, конечно, само население. Своими силами, своими средствами. Как быстро ремонтировались эти церкви!.. На первых же богослужениях они омывались слезами молящихся. С каким душевным волнением совершались эти богослужения. Надо было лично наблюдать эту стихийную устремленность русского народа к своему Родному Православию, к своим родным святыням. Народ русский по прежнему взыскует Бога и он по прежнему народ Достоевского, предлагавшего судить его не по тем мерзостям, которые он творит, а по глубине его покаянных порывов... Посторонние наблюдатели могут в этом сомневаться, но мы — пастыри, принимавшие это покаяние, видевшие эту тоску по Правде Божией, утверждаем, что народ русский в своей массе остался верующим народом, и, может быть самым верующим народом на земле! То терпение, с которым он переносит свои страдания, поистине удивительно. И терпение это питается верой в Страдавшего Праведника, верой в Распятого Христа. Прав был Шмелев, говоривший: «Про

Изборск. Георгиевские ворота.

Россию надо писать Евангелие»... Как курьез, припоминаю, что мне пришлось освятить храм, построенный, вернее, достроенный по указу самого... В. И. Ленина. В первые дни октябрьской революции крестьяне села Н., где строилась новая церковь, получили из местного сельсовета распоряжение постройку храма прекратить. Предприимчивые мужички отправили своих ходоков, не больше не меньше в Москву, к Ленину, за специальным разрешением. «Ильич» принял ходоков, выслушал их и великодушно дал свое специальное разрешение на окончание храма. С большой гордостью рассказывали мне местные крестьяне о своих успехах в Москве. В этом храме, совершая первую Литургию после освящения его, я привлек к чтению поминаний трех юношей, лет 16-17. Объяснив им, в чем дело, сказав им, как надо... молиться, как надо креститься, я потом следил за ними: с какой серьезностью они делали свое дело, как хорошо произносили: «Помяни, Господи»... Один я никогда бы не справился с этой важной частью нашего богослужения: чтением записок — диптихов на проскомидии. Их была такая масса. Помогали комсомольцы!

МОЛОДЕЖЬ

Вспоминая советскую молодежь, я не могу не вспомнить рассказ одного беженца из Ленинграда, верующего христианина. Я считаю этот рассказ особенно выразительным. Сын этого беженца — юноша 19-ти лет, иподьякон одного из оставшихся нетронутым епископов в Ленинграде. Епископа, в конце концов, арестовывают и ссылают в Казахстан, за Каспий. Проходит какое-то время. И вот, юноша-иподьякон получает письмо от своего ссыльного епископа. Тот зовет его к себе: «Иначе я не выживу, я тяжко заболел... За мной некому присмотреть... Юный иподьякон показывает письмо своему отцу и просит совета: «Как ты думаешь?» — Отец смотрит на сына и говорит: «И ты еще советуешься? Ты должен быть там, где умирает твой епископ!». Юноша уезжает в Казахстанские степи, ухаживает за своим епископом, устраивает катакомбную церковь; их раскрывают и ссылают на Крайний Север. Оттуда отец уже не получал известий. Этот рассказ — готовый материал для книги по русской агиологии наших дней.

...Вспоминается мне и другой юноша — колхозник, у которого годами болело ухо: в процессе нагноения накапливалась дрянь. Из года в год он уезжал лечиться в Л. Но, вот, пришли немцы, и он остался в безпомощном положении... «Когда боли усилились до крайности, я стал, как никогда, молиться. Я дал обет читать ежедневно Акафист Спасителю, пока не пройдет моя болезнь. Долго я молился так. В один день рана сама раскрылась, гной вышел

и я исцелился. Но, я так привык читать акафист, что я продолжаю его читать ежедневно. Ну, конечно, если я весь день работаю на поле, тогда я его не читаю»...

Прот. А. Ионов

(Окончание в следующее воскресенье)

20 ИЮЛЯ 1975 ГОДА

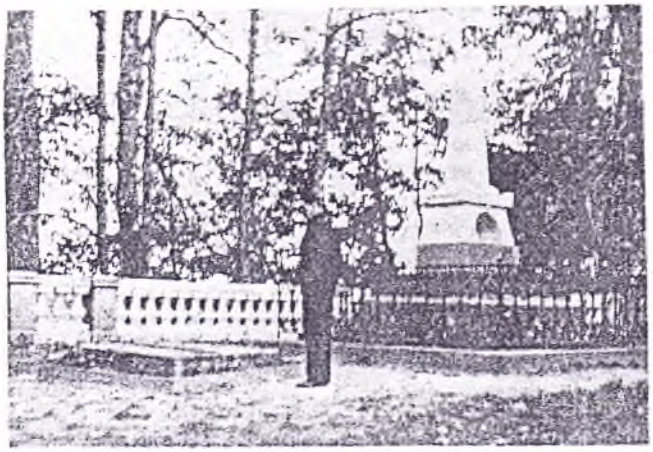
ОТНОШЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ К НАМ

За двадцать восемь месяцев нашей миссионерской работы я не помню, чтобы кто-нибудь из подсоветских людей позволил сказать по нашему адресу нечто оскорбительное. Как правило, отношение большинства к нам было или самое доброжелательное, или самое корректное.

Не так вежливы были «завоеватели». Немецкие солдаты часто входили в наши храмы в головных уборах. Неоднократно я им предлагал снимать фуражки, или уйти. Когда же я был в облачении, я просто приказывал: «Вон!— Между прочим, немецким солдатам запрещалось присутствовать на наших богослужениях. Но немцы, тем не менее, пытались проявить себя и в церковной жизни.

ДИРЕКТИВЫ ИЗ ШТАБА РОЗЕНБЕРГА

Как-то меня вызвали в штаб дивизии. С недоумением я явился туда. Здесь мне предложили перейти не больше и не меньше, на новый стиль, т. е. праздновать наступающее Рождество Христово по Грегорианскому календарю, принятому на Западе. Юлианский стиль, принятый в России и по которому в течение тысячелетия русский народ отмечал все церковные праздники, этим самым предложением — по военному — упразднялся. Я категорически отказался исполнить требование немцев. Тогда меня вызвали к генералу, командующему дивизией. Джентльмен по внешности и манерам, он мне объяснил, что получил такую директиву из штаба Розенберга и что ее необходимо провести в жизнь, так как новый стиль принят в «Великой Германии». Я ответил, что здесь еще не «Гросс-Дойчланд», что мы находимся всего на всего только в оккупированных областях России, что русские люди имеют свои тысячелетние традиции и что их надо уважать, ибо это дело совести. «Я вас понимаю, — ответил генерал любезно, — но что делать с директивой из Берлина?». Я дал понять, что лучше всего ее было спрятать под сукно. Фактически, так и было сделано. Мы праздновали Рождество Христово по старому стилю. Меньше всего я приписываю этот «дипломатический» успех своему личному влиянию. В армии, безусловно, были свои счеты с министерством пресловутого Розенберга.



Могилы Ганнибалов — дедушки и бабушки Пушкина

В ОЖИДАНИИ АРЕСТА ЧИНАМИ ГЕСТАПО

Это было уже в Пскове, куда я был переведен своим церковным начальством. Я совершал отпевание заживо - сожженной русской семьи. Отец, мать, две девушки дочери, 20-ти и 23-х лет, мальчик 5-ти лет. Сожгли их СС, грабившие край и насиловавшие население. Отец отказался выдать своих дочерей на поругание пьяных соратников Гитлера. В результате — заколоченная дверь в доме и пламя, пожирающее все... Совершая отпевание в старинном храме пятнадцатого столетия, при стечении множества возмущенных русских людей, я произнес проповедь, в которой изобразил весь ужас преступления, которое становится обычным явлением в так называемой «Новой Европе». «Если мы будем молчать об этих преступлениях, камни будут вопиять к небу»! — «С такой Европой нам не по пути!» — закончил я свое слово среди слез и рыданий людей, наполнявших храм. До вечера я ждал своего ареста чинами Гестапо, но меня не арестовали. Вероятно, очередной массированный налет на город советской авиации отвлек внимание от этих страшных похорон. Мое пастырское влияние с этого дня особенно усилилось. Я стал до конца своим!

ЗАКОН БОЖИЙ В ШКОЛАХ РАЙОНА

Школ в моем районе было до сорока. Осенью 1942 года начинались занятия в них. Я озабочен, как же будет с преподаванием Закона Божия. На днях должна состояться учительская конференция. Приглашение на конференцию я не получаю. Меня это мало смущает. Я и без немецкого приглашения буду отстаивать интересы верующих людей. И, действительно, я являюсь на конференцию непрошенным гостем. С интересом слежу за прениями по поводу новой программы. В зале человек около ста подсоветских педагогов, преподавателей начальных школ. Программа продумана обстоятельно, но в ней ни слова о Законе Божием. И это будет школа, которую будут посещать дети моих благочестивых прихожан. Я беру на себя смелость взять слово по вопросу о программе. Я говорю о том, что русский народ всегда

был религиозным что все, что я здесь видел, подтверждает мой тезис. Кто может его оспаривать? Переполненные храмы, массовые исповеди, соблюдение всех старых благочестивых обрядов, традиций — налицо. От церкви, утверждаю я, отошел лишь тонкий слой так называемой советской интеллигенции. Обобщать поэтому отношение всего русского народа к Церкви, как отрицательное — явная передержка, неправда, преступление. Внимательно слушают меня представители вчерашней советской интеллигенции. Вероятно, аргументы мои были неотразимы. Мое категорическое заявление о том, что Закон Божий будет преподаваться в школах нашего района принимается и «к сведению и к исполнению». Возникает, правда, вопрос об оплате труда законоучителей. Представитель германской комендатуры заявляет, что в «Gross-Deutschland» Церковь отделена от государства и что «Religion ist Privatsache»... Я напоминаю, что в оккупированных областях России закона об отделении Церкви от государства еще нет, что все главные налоги — поборы натурой и живой силой происходят за счет местных крестьян, дети которых посещают народные школы и что крестьяне поэтому имеют право рассчитывать на религиозное воспитание своих детей. Взыскивать с них же еще специальный налог — «на религию» — не допустимо. Мое предложение, вернее, требование было выполнено. Законоучители были введены в список оплачиваемого школьного персонала. Но кто же будет преподавать Закон Божий в сорока школах района?!

**
*

Городские школы и пригородные я взял на себя. Для остальных я лихорадочно разыскивал подходящих лиц из остатков прежней интеллигенции. Постепенно во всех школах появились иконы, молитва перед началом и после уроков и преподавание Закона Божия, дважды в неделю. В связи с введением в школах Закона Божия, я вспоминаю, как ко мне пришла одна молоденькая учительница из какой то глухой деревенской школы с просьбой поручить ей преподавание Закона Божия. Зная, что туда мне некого направить, я в принципе согласился, но тут же решил проверить объем ее знаний в таком специальном предмете. Молоденькая учительница откровенно призналась, что она лично ничего еще не знает.

Храм Святогорского монастыря (после реставрации при немцах).

— Но как же вы собираетесь преподавать Закон Божий детям? — удивленный спросил я.

— Я буду прежде сама учить урок, прорабатывать материал, а потом буду его пересказывать детям...

В условиях фронта, полного разорения, нищеты и голода такая «система преподавания» показалась мне возможной, и я согласился. На прощание я подарил своей «законоучительнице» маленькое Евангелие. Через несколько недель она снова посетила меня. В разговоре со мною она верно и уместно цитировала слова Спасителя. Евангелие, без сомнения, ею было не только прочитано, но и добросовестно продумано. Родители ее, впрочем, были верующими людьми.

ЕЩЕ О ДЕТЯХ

Я уже говорил, что моими лучшими друзьями в России были дети. Работа в школе была самая благодарная. В О. у меня был маленький приятель лет восьми — Коля. В лютую зиму 1942 года я привел его к себе в дом — погреться. Не надо было его ни о чем расспрашивать. На лице его было написано внятно одно: хочу есть! Накормив его, я узнал, что «немцы стали теперь худые. Раньше, когда они вперед шли, так и денег давали и хлебца... А теперь им — капут, и они только ругаются, когда у них чего нибудь попросишь»... Мы сшили Коле пальто. Первое пальто по его росту. Надо было видеть, как сияло его лицо. С тех пор ко мне он прилепился окончательно, выстаивал все длинные наши богослужения в холодном Соборе. Читаю покаянный канон Св. Андрея Критского. Мальчишка стоит подле меня на коврике, но замерзает явно. Шепчу ему:

— Иди домой!

— Не, постою маленько...

А канон длинный, предлинный. По приятельски Коля шепчет мне на ухо:

— Долго еще будешь читать?...

Милый мой мальчик, где ты, мой верный и преданный друг?...

ИРАИДА

Лет десяти. Я нашел ее больной, лежащей целыми днями в нетопленной комнате. Отец коммунист, ушел с красными. Мать работает весь день у немцев — моет полы в немецких казармах. Узнал, что девочку не крестили. Стал ее подготавливать к святому Таинству. Скоро она поправилась и стала выходить на улицу. Как то встречаю ее на улице, спрашиваю:

— Когда же крестины?

— Еще нельзя...

— Почему?

— Платье не готово...

Когда было сшито платье, я

ее крестил, рабу Божию, — отроковицу Ираиду. Последние молитвы. Приветствую: Ну вот ты и христианка! Быстрым движением она бросается ко мне на шею и крепко благодарно целует меня. Этой благодарности мне не забыть. Здесь я могу только повторить слова одного из наших известных священников: «Какая радость быть священником»!...

**
*

Мне пришлось потом бывать в других местах, и всюду я встречал детей близких к Богу и к Церкви. Мальчик четырнадцати лет, приносивший мне обед из городской столовой в Пскове, — это была тема для Нестерова. Такой же кроткий, благоговейный отрок Варфоломей, будущий Игумен всея Руси, Чудотворец Радонежский!

Все эти Коли, Миши, Пети, Ильюши наглядно свидетельствовали о том, что душа русского народа не отравлена, не загрязнена до конца ядом неверия, государством насаждаемого, и что цветут еще во славу Божию эти прекрасные «крины сельные» — полевые цветы — кроткие, чистые души на просторах Святой Руси, не смотря ни на что!

**
*

Миссия закончила свою деятельность в Псковском краю в феврале 1944 г. Все оставшиеся в Прибалтике миссионеры большевиками были арестованы и сосланы в Сибирь. Это — мученики Миссии. Своим подвигом они свидетельствуют всему миру, что Миссия творила подлинно церковное дело. Не сомневаюсь, что деятельность Православной Миссии в северо-западных областях России в свое время будет отмечена и на страницах будущей Истории Русской Церкви. Журналы нынешней Московской Патриархии о ней не упоминают.

Протоиерей А. Ионов

Конец

Все фотографии, помещенные в «Псковской миссии», получены из коллекции Р. В. Полчанинова.